

УДК: 821.111.09=111

**ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ АВТОРСКОЙ МАСКИ В РОМАНЕ У.М. ТЕККЕРЕЯ
«ИСТОРИЯ ПЕНДЕННИСА, ЕГО УДАЧ И ЗЛОКЛЮЧЕНИЙ,
ЕГО ДРУЗЕЙ И ЕГО ЗЛЕЙШЕГО ВРАГА»**

Н.Ю. ШИШКОВА

(Полоцкий государственный университет)

n.shyshkova@psu.by

Рассматриваются способы создания авторской маски в романе У. Теккеря «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага». Упоминаются такие маркеры авторской маски, как отступления и комментарии, акцент на процессе письма и роли писателя, упоминание о возможных проблемах с повествованием, ирония, особенности выбора способа повествования и нереализованные намерения, упоминание о точности/правдивости в передаче событий, ситуация, когда история рассказывается как вымышленная, но есть некоторые признаки того, что все события происходили в реальности. Анализируются причины, по которым У. Теккерей меняет стилистику и характер повествования в сравнении с предыдущими произведениями. Также рассматриваются приёмы психологического изображения персонажей.

Ключевые слова: авторская маска, нарратор, автор, маркеры, ирония, психологическое изображение.

Введение. Роман «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага» вышел в свет через два года после принесшей автору славу, признание и достаток «Ярмарки тщеславия» и вызвал у читателей и критиков противоречивые чувства. Кто-то был разочарован, кто-то же считал, что мастерство У. Теккеря лишь возросло, его произведения стали менее желчными и злыми, но более глубокими и психологичными. Данный роман, как и остальные произведения У. Теккеря, регулярно анализируется множеством ученых, которые обращают внимание на тот или иной из разнообразных аспектов творчества великого писателя. Одним из таких аспектов является авторская маска.

Основная часть. После романа «Ярмарка тщеславия» У. Теккерей принимается за написание нового романа «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага». Начинает печататься этот роман в 1849 году, а заканчивается труд над этим произведением в 1850. Если в романе «Записки Барри Линдона, эскайра, писанные им самим» и в повести «Кэтрин» У. Теккерей подражал плутовскому роману, романы «История Генри Эсмонда, эскайра, полковника службы ее величества королевы Анны, написанная им самим» и «Виргинцы» можно отнести к историческим романам, роман «Дени Дюваль» – к приключенческим романам, то роман «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага» относят к жанру романа воспитания. К этому же жанру относят и такие произведения У. Теккеря, как «Ньюкомы. Жизнеописание одной весьма почтенной семьи, составленное Артуром Пенденнисом, эскайром» и «Приключения Филиппа в его странствованиях по свету».

Если «Ярмарка тщеславия» никого не оставила равнодушным и по праву считается лучшим произведением У. Теккеря, то роман «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага» вызвал неоднозначные чувства. Одни считали, что «хотя «Пенденнис» полон правдивых, блестящих, глубоких моментов – хотя он содержит множество эпизодов, являющих собой образцы ясного и чистого английского языка, который сможет порадовать всех тех, кто устал от хаотичного или же излишне напыщенного повествования – нельзя сказать, что он лучше, чем «Ярмарка тщеславия». Он больше похож на пару томов продолжения той истории, на второе путешествие в мир ярмарочных палаток, зверинцев и каруселей, в мир безумства, порока и шарлатанства)» [1, р. 90]¹. Высказывались мнения, что «Пенденнис» менее интересная история, чем «Ярмарка тщеславия», а также менее насыщенная и глубокая с какой бы то ни было точки зрения [2, р. 24], «Пенденнис» оставляет меньшее впечатление, чем любой из крупных романов У. Теккеря [2, р. 25]. Роман «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага» и последующие произведения У. Теккеря долгое время считались «творческими неудачами» [3, с. 4]. Существовало мнение, что «в последние годы жизни Теккеря его проза заметно утратила в легкости и наполнилась необязательными длиннотами...» [4, с. 3]. В. Ивашева полагает, что некоторые симптомы кризиса, наметившегося в творчестве Теккеря за пять-восемь лет до его смерти, можно найти уже в «Пенденнисе», но это были лишь симптомы. Спад начался позднее, когда появился роман-хроника «Ньюкомы» (1855), а затем исторический роман «Виргинцы» (1857–1859) [5, с. 20].

¹ Здесь и далее перевод наш – Н.Ш.

Другие же считали Теккерея писателем-новатором, которого не могли по достоинству оценить его современники. Так, Шарлота Бронте, лично знавшая Теккерея, писала, что, по её мнению, его оценят лишь лет через 100 [1, р. 52]. Такого же мнения придерживался и В. С. Вахрушев, который отмечал, что переосмысление творчества Теккерея может занять еще сто лет [6, с. 3]. Е. Ю. Гениева также полагала, что умение У. Теккерея избегать лишь черного и белого цветов при написании человеческого сердца будет оценено и освоено другими лишь к XX веку [7, с. 40].

На наш взгляд, причиной противоречивого восприятия романа были не утрата таланта или творческий кризис, а изменение стиля письма. У. Теккерей начинает все большее внимание уделять внутреннему миру героев, проблеме становления их личности. И.И. Бурова полагает, что особенностью творчества У. Теккерея на данном этапе «стало гармоничное сочетание внутреннего и внешнего, субъективного и объективного планов повествования, при котором наблюдение над явлениями внутреннего мира не заслоняло происходящего вовне души героя» [8, с. 68]. Это изменение было совершенно закономерным. В критические для У. Теккерея годы он беспрестанно трудился, печатался, где только было возможно, порой сам предлагал свои услуги издателям и соглашался на любые условия в поисках заработка. В те годы У. Теккерей выступал преимущественно в малых жанрах. Его произведениям был свойственен сарказм, сатира, стремление обличать и высмеивать, шарж, гипербола. Его статьи, эссе и повести, а также ранние романы представляют собой словно зарисовки, наброски, эскизы, обобщения, которые впоследствии стали основой его первого большого романа «Ярмарка тщеславия». В. Ивашева считала, что «Ярмарка тщеславия» «впитала в себя все то, о чем думал и что выражал, что наблюдал и обобщал великий художник» [5, с. 14–15].

Роман «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага» заканчивает один этап в развитии искусства У. Теккерея и начинает второй. В это время У. Теккерей уже тяготеет не к типизации, а к индивидуализации персонажей. Если герои более ранних его произведений представляли собой яркие примеры, воплощения того или иного порока, то теперь У. Теккерей стремится к большей объективности и реалистичности, ощущает потребность показать всю сложность их характеров, неоднозначность их поступков, все противоречия в их сознании и чувствах.

К У. Теккерею привыкли относиться как к скептику, сатирику, привыкли к его иронии, сарказму, едкому юмору. Изменившийся стиль стал для многих неожиданностью и вызвал чувство разочарования. Это чувство закономерно возникает у всякого, кто не получает того, чего ожидает. Однако теперь, получив признание после выхода в свет «Ярмарки тщеславия», в отсутствие постоянной борьбы за существование и беспокойства о будущем дочерей, У. Теккерей мог, наконец, писать о том, что его действительно глубоко интересовало и так, как умел только он. В отношении «Ярмарки тщеславия» Элизабет Браунинг писала, что эта книга «очень умная, впечатляющая, но жестокая по отношению к человеческой природе. Книга заставляет чувствовать боль, но ведь не боль очищает и возвышает» [9, р. 104]. Теккерей в своем письме к Леди Блессингтон также писал, что он с каждым днем все больше стыдится своей желтой обложки и человеконенавистнического отношения [10, р. 175].

Все его друзья, критики и читатели призывали его в следующем романе проявить больше дружелюбия и благожелательности, и у него просто не было другого выбора, кроме как попытаться сгладить все резкости и шероховатости «Ярмарки тщеславия» и стать вежливым, добрым и снисходительным. Однако, пойдя на такой компромисс, он вызвал неоднозначные суждения в отношении не только своего нового романа «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага», но даже в отношении своего писательского таланта.

Писатель, казалось, ожидал некоторого удивления и недовольства со стороны читателей. На страницах «Истории Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага» неоднократно упоминается, что читателям может не понравиться его книга: «Роман есть в некотором роде беседа с глазу на глаз между автором и читателем, и естественно, что беседа эта часто не клеится, часто становится скучной» [12, с. 5]². «Вам не нравится мой Пенденнис, потому что он не ангел и не дьявол. Что же делать? Но я не намерен изображать вам ни ангелов, ни дьяволов, потому что я ни тех, ни других не встречаю в жизни. Я представил в этой книге современного молодого человека таким, как он есть и как я его вижу. Если он вам не нравится, тем хуже для вас...» [13].

По мнению М. Форстер, У. Теккерей и сам мог считать свой роман скучным, называть его «неизбежным оброком», «тягостной ношей» [14, с. 173]. Он мог каждый день «корпеть над рукописью» [14, с. 162], заставлять себя исписывать назначенное на день количество страниц. После целого дня «угрюмого нанизывания бесцветных слов» [14, с. 161] он мог чувствовать себя усталым и больным и ужасаться перспективе приниматься за работу снова. Ему хотелось «побыстрее отбарабанить свою проповедь – роман "Пенденнис" (казалось, он выходил из-под пера пастора, а не сатирика)...» [14, с. 168]. Казалось, что У. Теккерей, так же, как и читатели, был недоволен сменой своего стиля, мягкостью и благодушием вместо сатиры, сарказма, искрометного юмора и едкой иронии.

² «It is a sort of confidential talk between writer and reader, which must often be dull, must often flag» [11, p. 7].

В романе «История Пенденниса...» У. Теккерей развивает прием дегероизации. Хотя здесь есть протагонист – Пен, вокруг которого разворачиваются все действия, но он лишь главный герой романа, а не герой в жизни. В жизни в нем нет ничего героического. Это молодой человек, который «доступен соблазнам и противится им. ... Как человек не бесчувственный, он испытал эти соблазны и, как человек мужественный и благородный, поборол их» [12, с. 7]³. «И я не хочу сказать, что бедный Артур Пенденнис был хуже своих ближних, нет, но только ближние-то его были большею частью плохи» [12, с. 185]⁴. «Будем милосердны к Артуру Пендениису со всеми его недостатками и слабостями: ведь он и сам не мнит себя героем, он просто человек, как вы и я» [15, с. 406]⁵.

Стремление У. Теккерей к индивидуализации героев в романе «История Пенденниса...» ощущается во много раз сильнее, чем в «Ярмарке тщеславия». Однако, несмотря на многогранные, яркие, реалистичные характеры, созданные автором, мы не можем сказать, что они не типичны, что У. Теккерей отказался от типизации создаваемых им образов. Артур Пенденнис – главное действующее лицо – типичный молодой человек, представитель мелкопоместного дворянства, который за неимением средств вынужден сам пробивать себе путь в жизни, зарабатывать на еду, одежду и прочие надобности. Его дядя – майор Пенденнис – также типичный прихвостень аристократов, знаток книги пэров, фальшивый и двуличный человек с таким же фальшивым париком и накладками вместо мускулов под сюртуком. Мама Артура – леди Элен – также типичная мать, обожающая своего единственного сына, закрывающая глаза на все его проступки, всепрощающая и готовая на любые жертвы и лишения ради любимого чада.

Итак, в рассматриваемом романе писатель иллюстрирует нам, как, впрочем, и обычно, галерею типичных представителей английского общества XIX века. Однако в данном произведении У. Теккерей проявил себя и как великий психолог – настолько реалистичны созданные им портреты, настолько мастерски он передает испытываемые героями чувства и эмоции, сомнения и переживания. Добивается этого писатель, не прибегая к внутренним монологам, исповедям, мемуарам и снам. Он использует для психологического изображения в основном косвенную и суммарно-обозначающую формы. Ярким примером косвенной формы, когда автор рисует лишь внешние симптомы чувства, нигде не вторгаясь непосредственно в сознание и психику героя, может служить момент признания Артура в любви мисс Костиган: «Бедный мальчик наконец решился; он весь дрожал от страстного волнения, сердце его бешено колотилось, непрошенные слезы струились из глаз, а голос замирал и срывался, но он произнес-таки слова, которые не в силах был дольше удерживать, и бросил к ногам зрелой красавицы все сокровища своей любви, восхищения и юношеского жара» [12, с. 75-76]⁶. Примерами суммарно-обозначающей формы психологического изображения, когда писатель кратко называет, обозначает те процессы, которые происходят во внутреннем мире героя можно считать следующие эпизоды: «Он густо покраснел от растерянности и уязвленного самолюбия. Он чувствовал, что вот-вот расплачется» [12, с. 92]⁷. «Приглашение это так ужаснуло и обрадовало Пена, что он чуть не соскользнул наземь с капитановой руки и тут же испугался, как бы капитан не заметил его волнения» [12, с. 60]⁸.

Среди других приёмов можем упомянуть отступления и комментарии, а также психологические комментарии. Отступления и комментарии в этом романе значительно короче тех, которые У. Теккерей использовал в «Ярмарке тщеславия». Если ранее они производили подчас впечатление целой беседы или проповеди, то здесь это лишь мнение, высказанное с целью поддержать доверительную беседу с читателем: «Добрый друг, оглянись на собственную юность, вспомни, как оно было. Мне приятна мысль о мальчишке, в зрелом заботливой рукой, храбром и ласковом, мягкосердечном и любящем и глядящем жизни в лицо добрыми, честными глазами. А какими яркими красками сверкала тогда жизнь, и как ты ею наслаждался! На долю человеку выпадает не много таких лет. Пока они длятся, он их не ценит. Лишь когда они давно миновали, он вспоминает о том, какие они были лучезарные и счастливые» [12, с. 33]⁹. «Я уверен, что каж-

³ «young man resisting and affected by temptation. My object was to say, that he had the passions to feel, and the manliness and generosity to overcome them» [11, p. 8].

⁴ «I would not wish to say of poor Arthur Pendennis that he was worse than his neighbours, only that his neighbours are bad for the most part [11, p. 182].

⁵ «...let us give a hand of charity to Arthur Pendennis, with all his faults and shortcomings, who does not claim to be a hero, but only a man and a brother» [16, p. 416].

⁶ «The poor boy had taken the plunge. Trembling with passionate emotion, his heart beating and throbbing fiercely, tears rushing forth in spite of him, his voice almost choking with feeling, poor Pen had said those words which he could withhold no more, and flung himself and his whole store of love, and admiration, and ardour at the feet of this mature beauty» [11, p.75].

⁷ «He blushed and winced with mortified vanity and bewilderment. He felt immensely inclined to begin to cry» [11, p. 91].

⁸ «Pen was so delightfully shocked at this invitation, and was so stricken down by the happiness thus suddenly offered to him, that he thought he should have dropped from the Captain's arm at first, and trembled lest the other should discover his emotion» [11, p. 60].

⁹ «Look back, good friend, at your own youth, and ask how was that? I like to think of a well-nurtured boy, brave and gentle, warm-hearted and loving, and looking the world in the face with kind honest eyes. What bright colours it wore then, and how you enjoyed it! A man has not many years of such time. He does not know them whilst they are with him. It is only when they are passed long away that he remembers how dear and happy they were» [11, p. 34].

дый из нас, как бы кратковременно или бесславно ни было его пребывание в университете, вспоминает свои студенческие дни и своих товарищей с добрым и нежным чувством» [12, с. 175]¹⁰.

Примером психологического комментария может служить ремарка в отношении решения майора Пенденниса поехать в Фэркс и «спасти» Пена от нежелательного брака с актрисой. Из-за этой поездки майору пришлось отказаться от множества приглашений, присланных влиятельными, знатными людьми, знакомством с которыми он так гордился, но «он пошел на это, и жертва его была тем огромнее, что мало кто знал, сколь она велика» [12, с. 100]¹¹. Данная фраза характеризует майора как человека, который ставит светские развлечения и связи в высших кругах настолько высоко, что даже кратковременный отказ от них для него это огромная жертва. Продолжение же фразы довершает портрет майора, как человека двуличного, показушного, любящего бросать пыль в глаза, неискреннего.

Еще одним приёмом психологического изображения является авторская маска. Здесь У. Теккерей одевает маску друга Артура Пенденниса, его биографа, летописца и описывает события многолетней давности. Первыми маркерами авторской маски в данном романе могут служить упомянутые нами отступления и комментарии. Приведенные выше высказывания У. Теккерей о том, что роман или герои могут вызвать у читателей недовольство или, например, скуку, также маркируют появление авторской маски в произведении. По мнению В.А. Смолла «references to the process of writing and to the writer» (акцент на процессе письма и на роли писателя) и «references to the problems of narrative story-telling» (упоминание о возможных проблемах с повествованием) [17, р. 183] являются несомненными признаками данного литературного феномена. Еще одним маркером авторской маски, выделяемым В.А. Смоллом, выступают особенности выбора способа повествования и нереализованные намерения («the idiosyncrasies of narrative choice and unfulfilled narrative intentions») [17, р. 183]. «Возможно, любителям «захватывающего» чтения интересно будет узнать, что, приступая к этой книге, автор имел точный ее план, который был затем полностью отброшен. Леди и джентльмены, вас предполагалось угостить – к вящей выгоде автора и издателя – рассказом о самых животрепещущих ужасах. ... «Захватывающий» сюжет был отвергнут (с великодушного согласия издателя)...» [12, с. 6]¹².

Д. Мак-Дермот полагает, что в данном романе можно различить два голоса и две маски – маску и голос «omniscient author» (всезнающего автора) и маску и голос «narrator historian» (историка-повествователя) [18, р. 10]. Однако, на наш взгляд, в произведении такого разделения нет. Здесь мы имеем дело с одним образом. Зачастую биограф Артура Пенденниса претендует на всеведение: «Поскольку считается, что писатель знает все, даже тайны женского сердца, которых и сама-то его обладательница, возможно, не знает, – мы можем сообщить, что одиннадцати лет от роду мадемуазель Бетси, как называли тогда мисс Амори, влюбилась в Париже в малолетнего шарманщика-савояра, решив, что он – принц...» [12, с. 243]¹³. Или, например, он описывает мысли матери Артура, о которых вряд ли мог узнать: «И она жалела его и утешала, а сама тем временем со странным удивлением и нежностью думала о том, что как будто только вчера он был ребенком и на праздниках, когда он сладко спал по утрам, она приходила помолиться у его постели» [12, с. 83]¹⁴.

Не менее часто, однако, он словно одергивает себя и начинает использовать слова «возможно», «вероятно», «может быть», лишая себя дара знать все о своих героях. Таким образом, он начинает производить впечатление скорее лучшего друга главного героя, который знает его настолько хорошо, что может с уверенностью говорить о том, что мог думать или чувствовать его знакомец или же его родные в той или иной ситуации. «У себя в спальне Элен, вероятно, как всегда, сотворила молитву...» [12, с. 98]¹⁵. «И в то время как майор поднимался к себе, а мистер Фокер, прислонясь к косяку входной двери «Джорджа», курил сигару, Пен в десяти милях от них, по всей вероятности, лежал в постели и целовал письмо от Эмили» [12, с. 112]¹⁶. «Что касается до Артура Пенденниса, то хотя при виде умершего отца он, веро-

¹⁰ «Every man, however brief or inglorious may have been his academical career, must remember with kindness and tenderness the old university comrades and days» [11, p. 172].

¹¹ «He made the sacrifice, and it was the greater that few knew the extent of it» [11, p. 99].

¹² «Perhaps the lovers of 'excitement' may care to know, that this book began with a very precise plan, which was entirely put aside. Ladies and gentlemen, you were to have been treated, and the writer's and the publisher's pocket benefited, by the recital of the most active horrors. ... The 'exciting' plan was laid aside (with a very honourable forbearance on the part of the publishers)...» [11, p. 7-8].

¹³ «As novelists are supposed to know everything, even the secrets of female hearts, which the owners themselves do not perhaps know, we may state that at eleven years of age Mademoiselle Betsi, as Miss Amory was then called, had felt tender emotions towards a young Savoyard organ-grinder at Paris, whom she persisted in believing to be a prince ...» [11, p. 241].

¹⁴ «The gentle creature did her best: and thought with a strange wonderment and tenderness that it was only yesterday that he was a child in that bed; and how she used to come and say her prayers over it before he woke upon holiday mornings» [11, p. 83].

¹⁵ («When they had reached those apartments, I suppose Helen took to her knees as usual») [11, p. 97].

¹⁶ «And as the Major went up to his room, and Mr. Foker smoked his cigar against the door pillars of the George, Pen, very likely, ten miles off; was lying in bed kissing the letter from his Emily» [11, p. 110].

ятно, испытал сильное потрясение и, несомненно, жалел о его смерти, однако же я подозреваю, что уже в первую минуту горя, когда он обнимал свою мать, и нежно утешал ее, и обещал всю жизнь ее любить, – уже тогда в душе его поднималось тайное ликование и торжество» [12, с. 29–30]¹⁷.

Данное противоречие, переход от позиции всезнания к позиции владения ограниченными сведениями может объясняться следующим. Для проникновения во внутренний мир героев, для подробного показа их переживаний и мыслей У. Теккерею просто необходима была роль всезнающего автора. Этот прием дает максимальные возможности для психологического изображения. Он позволяет без всяких ограничений вводить читателя во внутренний мир персонажа, показывать его подробно и глубоко. Автор знает всё о своих героях, читает в их душах, может подолгу останавливаться на переживаниях персонажей, их мыслях, впечатлениях. Однако, получив возможность описывать все оттенки чувств, полет мысли, возможность оглядываться назад или забежать вперед, чтобы наилучшим образом рассказать свою историю, У. Теккерей словно начинает понимать, что этот метод наряду с массой преимуществ имеет и изрядное количество недостатков. Прежде всего, теряется та самая достоверность и правдивость в описании событий, к которой он всегда стремился. Д. Мак-Дермот утверждает, что «играя роль всезнающего автора, У. Теккерей слишком проявлял себя самого, как реального человека» [18, р. 22]. В.А. Смолл также считает, что У. Теккерей вводит рассказчика, так как «желает увеличить дистанцию между собой и персонажами, которых он описывает. Словно он позволяет своим героям существовать за пределами своего воображения, где он сам становится наблюдателем, рассказчиком, но вовсе не автором» [17, р. 191–192]. Маргарет Форстер, детально изучив произведения У. Теккерея, а также множество материалов, касающихся его жизни и творчества, написала «автобиографию» писателя «Записки викторианского джентльмена». В данном произведении ей удалось буквально вжиться в личность автора, научиться мыслить, говорить, чувствовать так, как, вероятно, было свойственно ему, убедить читателя, что автор записок – У. Теккерей, великий писатель. В данном произведении М. Форстер пишет: «выдуманная мной уловка, будто мои герои – куклы, которыми я управляю на потеху публике ... была гениальная находка, как я был счастлив в ту минуту, когда меня осенило! Теперь я мог уйти за сцену и невозбранно управлять оттуда действием. Без путеводной нити мне страшно погружаться в ткань произведения, мне легче присвоить себе роль рассказчика или придумать что-нибудь еще, возможно, вам эти приемы кажутся громоздкими, но меня они нисколько не стесняют, напротив, даже развязывают руки» [14, с. 131–132].

В «Истории Пенденниса...» У. Теккерей пытается лишить рассказчика дара всеведения и ввести его в вымышленный мир произведения, сделать его если не непосредственным участником описываемых событий, то хотя бы тем, кто лично знаком с действующими лицами, встречался и общался с ними. Вызвано ли это желанием скрыть свои мысли, либо высказать их, но не от себя лично, а представившись другим, или же желанием быть абсолютно правдивым и объективным и нежеланием навязывать свою точку зрения, а посему представить несколько возможных мнений – этого мы знать наверняка не можем. Если в «Книге снобов...» и «Ярмарке тщеславия» множество высказываний, комментариев, которые порой занимают целую страницу, и которые исследователи и читатели могут посчитать авторскими, действительно принадлежащими У. Теккерею как реальному лицу, то в «Истории Пенденниса...» писатель максимально отделился от позиции всезнающего автора. Помимо использования слов «вероятно», «наверное», и т.п., практически везде повествователь объясняет пути получения информации, будь то сплетни, письма, дневники или же доверительные беседы с героями произведения: «С месяц тому назад я побывал в старинном Оксбриджском университете, где провел некоторое время мой друг мистер Артур Пенденнис» [12, с. 176]¹⁸. «Поговаривали, что Пен носил перстни поверх лайковых перчаток, хотя сам он это отрицает; но на какие только безрассудства не способен молодежь в своем простодушном самодовольстве?» [12, с. 190]¹⁹. «Поскольку вся эта повесть написана по признаниям самого Пена, так что читатель может быть уверен в истинности каждого ее слова» [12, с. 204]²⁰.

Упоминание о способах получения сведений, а также уверения в правдивости предоставляемой читателю информации и в достоверности всех фактов также относятся к маркеру авторской маски, называемому В.А. Смоллом «упоминание о точности/правдивости в передаче событий» («claims of correspondent truth») [17, р. 183].

¹⁷ «As for Arthur Pendennis, after that awful shock which the sight of his dead father must have produced on him, and the pity and feeling which such an event no doubt occasioned, I am not sure that in the very moment of the grief, and as he embraced his mother and tenderly consoled her, and promised to love her forever, there was not springing up in his breast a feeling of secret triumph and exultation» [11, p. 30].

¹⁸ «Coming back a few weeks since from a brief visit to the old University of Oxbridge, where my friend Mr. Arthur Pendennis passed some period of his life» [11, p. 173].

¹⁹ «They said he used to wear rings over his kid gloves, which he always denies; but what follies will not youth perpetrate with its own admirable gravity and simplicity?» [11, p. 187].

²⁰ «As all this narrative is taken from Pen's own confessions, so that the reader may be assured of the truth of every word of it» [11, p. 201].

Одним из маркеров авторской маски в произведении В.А. Смолл считает такую ситуацию, когда история рассказывается одновременно и как факт, и как вымысел. Или, если быть более точными, то история рассказывается как вымышленная, но при этом есть некоторые указания на то, что все события происходили в реальности: «that it deliver the tale as both fact and fiction, or more precisely narrate the tale as fiction while appearing to relate it as known fact» [17, p. 142]. Этот маркер мы встречаем и на страницах романа У. Теккерея. Автор постоянно упоминает о том, что он был лично знаком со всеми действующими лицами, подробно описывает все способы получения информации, настаивает на правдивости приводимых фактов, но одновременно с этим предлагает читателю поучаствовать в создании портрета того или иного персонажа: «Цвет лица у ней был почти столь же ослепительный, как у леди Капкан, притом, в отличие от миледи, без помощи пудры. Нос ее представляем вообразить самому читателю; рот был великоват» [12, с. 216]²¹. Приглашает читателей присоединиться к самому процессу написания романа: «Эти статьи читатель волен дополнить по своему усмотрению – подобные списки изучались родителями многих и многих студентов» [12, с. 212]²². Побуждает читателя к самостоятельным рассуждениям: «Предоставляем читателю судить, был ли Альсид столь же неотразим и силен, как его тезка, или же он был просто помешан. Но ежели читатель встречал на своем веку много французов, среди них, возможно, попадались и такие, что считали себя почти столь же непобедимыми и были убеждены, что производят не меньшие опустошения в сердцах белокурых Anglaises» [12, с. 250]²³. «Читатель, которому посчастливилось прослушать весь разговор Пена с мисс Фодерингэй, сам способен судить о ее мыслительных способностях и, возможно, склонится к мнению, что за все время она не проявила ни выдающегося ума, ни особенно тонкого чувства юмора» [12, с. 65]²⁴.

В данном романе У. Теккерея как никогда ранее активно пользуется иронией. Ею буквально пропитана каждая фраза. Ирония прекрасно позволяет скрыть подлинные мысли автора и показать, что существуют несколько точек зрения. В.А. Смолл полагает, что ирония это один из основных признаков авторской маски и считает, что мы можем определить авторскую маску таким же образом, каким мы чувствуем иронию («how we perceive a persona in a narration can be seen as analagous with how we perceive irony in words...») [17, p. 170]. Как за ироническим высказыванием виден истинный смысл фразы, так и за маской проглядывает лик автора. Как авторская маска призвана лишить автора его позиции всезнания, всемогущества и авторитарности, так и ирония всегда предполагает, как минимум, два прочтения. «Функция ... иронии – корректировать, а не отрицать, ... ироник принимает относительность правоты любой точки зрения, не предлагая один, исключаящий все остальное, идеал» [19, с. 8].

Ирония присутствует в авторских комментариях: «От скольких горестей, забот и прочих вредных треволнений избавляет нас неунывающая тупость и здоровая бесчувственность! Я вовсе не хочу этим сказать, что добродетель перестает быть добродетелью от того, что не знает соблазнов; я только утверждаю, что тупость – великий дар, которого мы не ценим по достоинству, и счастливы те, кого природа наделила им в достаточной мере» [12, с. 160]²⁵. Полны иронией и портреты персонажей. Так рассуждает майор Пенденнис, который, приехав в Клеверинг, ни разу не пропустил службу в церкви: «В Лондоне это не имеет значения, Пен, – объяснял он. – Там в церковь ходят женщины, а отсутствия мужчин никто не замечает. Но когда дворянин находится *sur ses terres* он должен подавать пример окрестным жителям; ... Здесь ты – персона...» [12, с. 102]²⁶. Лицемерный майор посещает церковь не потому, что верит в Бога, а лишь для того, чтобы произвести впечатление и только потому, что в деревне это заметно. В Лондоне, раз его благочестия никто не видит, смысла ходить в церковь нет никакого. Этот показушный человек называет мать Пена скудоумной, раз бедная вдова не разделяет его чувств и восторга относительно светских успехов. Но действительно ли это так? В этих словах для нас явственно слышится ирония. Мы подозреваем, что скудоумный как раз-таки сам майор, который столь почтителен к богатству, книге пэров,

²¹ «As for her complexion, that was nearly as brilliant as Lady Mantrap's, and without the powder which her ladyship uses. Her nose must be left to the reader's imagination: if her mouth was rather large» [11, p. 213].

²² «All which items the reader may fill in at his pleasure – such accounts have been inspected by the parents of many university youth» [11, p. 209].

²³ «Whether Alcides was as irresistible a conqueror as his namesake, or whether he was simply crazy, is a point which must be left to the reader's judgment. But the latter if he had had the benefit of much French acquaintance, has perhaps met with men amongst them who fancied themselves almost as invincible; and who, if you credit them, have made equal havoc in the hearts of les Anglaises» [11, p. 248].

²⁴ «Now the reader, who has had the benefit of overhearing the entire conversation which Pen had with Miss Fotheringay, can judge for himself about the powers of her mind, and may perhaps be disposed to think that she has not said anything astonishingly humorous or intellectual in the course of the above interview» [11, p. 65].

²⁵ «What a deal of grief, care, and other harmful excitement does a healthy dulness and cheerful insensibility avoid! Nor do I mean to say that Virtue is not Virtue because it is never tempted to go astray; only that dulness is a much finer gift than we give it credit for being; and that some people are very lucky whom Nature has endowed with a good store of that great anodyne» [11, p. 158].

²⁶ «It don't matter so much in town, Pen, he said, for there the women go and the men are not missed. But when a gentleman is *sur ses terres*, he must give an example to the country people: ... And you are somebody down here» [11, p. 100–101].

поклонам маркиза или герцога и упоминанию своего имени в светской хронике. Хотя, каждый волен считать так, как ему ближе. Кто-то может и вовсе не заметить иронии в этом отрывке.

Даже в описании матери Артура Пенденниса – Элен Пенденнис, которую У. Теккерей называет настоящей английской леди, и прообразом которой стала мать самого У. Теккерей, которую он нежно любил и безмерно уважал, сквозит ирония – ирония над слепой, всепоглощающей любовью к сыну: «Пен завел привычку курить ... не только на конюшне и возле теплиц, где это было полезно для растений, но и у себя в кабинете, что поначалу очень не понравилось его матушке. Однако он объяснил, что пишет стихи на конкурс и без сигары сочинять не может, ... Поскольку он курил с такой благой целью, Элен, разумеется, не могла ему это запретить; мало того, войдя однажды в кабинет, где трудился Пен ..., Элен, чтобы не утруждать его, сама сходила в его спальню за сигарницей и спичками, вложила сигару ему в рот и поднесла огня. Пен рассмеялся и поцеловал руку матери, склонившейся над ним из-за дивана. – Милая моя матушка, – сказал он, – вы, верно, и дом бы сожгли, кабы я вас о том попросил!» [12, с. 187]²⁷.

Читатель никогда не знает, верить ли ему конфиденциальным сообщениям автора или искать в них скрытую иронию. Целью же автора является не стремление запутать читателя или же наоборот раскрыть авторскую точку зрения, как единственно правильную, а предложить множество версий и смыслов, стимулировать читателя отыскать и сделать свой собственный выбор.

Заключение. Таким образом, роман «История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага» является вторым «большим» романом У. Теккерей, в котором автор, хоть и изменил некоторым образом стиль письма, показал себя великим писателем и мастером психологического изображения персонажей. В данном произведении У. Теккерей, в попытке лишить рассказчика привилегированной позиции, использует приём авторской маски. Представившись другом главного героя, объясняя пути получения информации, приглашая читателя поучаствовать в написании произведения и составлении портретов персонажей, автор лишает нарратора дара всеведения. Используемые на протяжении текста романа слова «наверное», «может быть», «видимо» и т.д. стимулируют оценочную деятельность и эмоциональный отклик со стороны читателей и предоставляют множество вариантов прочтения событий. Наличие нескольких возможных точек зрения на сюжет и персонажей выступает одним из признаков авторской маски в произведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tillotson, G. Thackeray: the critical heritage / G. Tillotson, D. Hawes. – London; New-York: Routledge & K. Paul; Barnes & Noble Inc., 1968. – 392 p.
2. Hannay, J. Studies on Thackeray / J. Hannay. – Port Washington, N.Y.: Kennikat Press, 1970. – 107 p.
3. Маслова, Т. Е. Роман воспитания в творчестве Теккерей 1850-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Т. Е. Маслова. – СПб., 2002. – 153 л.
4. Ломакин, С. В. Уильям Теккерей и русская литература 40-60 гг. XIX в.: оценки в критике и типологические связи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / С. В. Ломакин. – М., 2012. – 26 с.
5. Теккерей, У. Повести 1838–1841 гг. / У. Теккерей ; пер. с англ. В. Ивашевой // Собр. соч. : в 12 т. – М. : Худож. лит., 1974. – Т. 1. – 640 с.
6. Вахрушев, В. С. Уильям Теккерей. Жизнь и творчество / В. С. Вахрушев. – Балашов : Изд-во "Николаев", 2009. – 100 с.
7. Гениева, Е. Ю. Диккенс и Теккерей [Электронный ресурс] / Е. Ю. Гениева // «Вестник Европы». – 2004. – №12. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/12/ge29.html>. – Дата доступа: 22.04.2019.
8. Бурова, И. И. Романы Теккерей: Становление реалистического психологизма в английской литературе середины XIX века / И. И. Бурова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 144 с.
9. Collins, Ph. Thackeray: Interviews and Recollections / Ph. Collins, P. Wachtel. – London : Palgrave Macmillan, 1983. – Volume 1. – 191 p.
10. Harden, E. F. Selected Letters of William Makepeace Thackeray / Edgar F. Harden – London : Palgrave Macmillan, 1996. – 416 p.

²⁷ «Pen brought a large box of cigars ... and began to consume these not only about the stables and green-houses, where they were very good for Helen's plants, but in his own study, of which practice his mother did not at first approve. But he was at work upon a prize-poem, he said, and could not compose without his cigar, As he was smoking to such good purpose, his mother could not of course refuse permission: in fact, the good soul coming into the room one day in the midst of Pen's labours, rather than disturb him went for a light-box and his cigar-case to his bedroom which was adjacent, and actually put the cigar into his mouth and lighted the match at which he kindled it. Pen laughed, and kissed his mother's hand as it hung fondly over the back of the sofa. "Dear old mother," he said, "if I were to tell you to burn the house down, I think you would do it." And it is very likely that Mr. Pen was right, and that the foolish woman would have done almost as much for him as he said» [11, p. 184–185].

11. Thackeray, W. M. The History of Pendennis: His Fortunes and Misfortunes, His Friends, and His Greatest Enemy / W. M. Thackeray. – London : Smith, Elder & Co, 1891. – Vol. 1. – 400 p.
12. Теккерей, У. История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага: роман / У. Теккерей ; пер. с англ. М. Лорие // Собр. соч. : в 12 т. – М. : Худож. лит., 1976. – Т. 5. – 430 с.
13. Александров, Н. Н. Уильям Теккерей. Его жизнь и литературная деятельность [Электронный ресурс] / Н.Н. Александров // ЛитМир – Электронная Библиотека – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=114091&p=11>. – Дата доступа: 25.04.2019.
14. Форстер, М. Записки викторианского джентльмена: Уильям Мейкпис Теккерей / М. Форстер ; пер. с англ. Т. Я. Казавчинской ; предисл. Е. Ю. Гениевой. – М. : Книга, 1985. – 368 с., ил. – (Писатели о писателях).
15. Теккерей У. История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага: роман / У. Теккерей ; пер. с англ. М. Лорие. Под общ. ред. А. Аникста // Собр. соч. : в 12 т. – М. : Худож. лит., 1977. – Т. 6. – 416 с.
16. Thackeray, W. M. The History of Pendennis: His Fortunes and Misfortunes, His Friends, and His Greatest Enemy / W. M. Thackeray – London : Smith, Elder & Co, 1892. – Vol. 2. – 416 p.
17. Small, V.A. The Authorial Persona: A Truth Conditional Account / V.A. Small. – thesis ... PHD – University of Canterbury, 1984. – 360p.
18. McDermott, D. Vanity Fair, Pendennis, Esmond, and The Newcomes: A Study in the Element of Dramatic Form in the Central Novels of W. M. Thackeray / D. McDermott; A Thesis for the Degree Master of Arts. – Hamilton : McMaster University, 1967. – 97 p.
19. Петрова, О. Г. Языковое и экстралингвистическое в иронии как компоненте идиостиля писателя (на материале произведений У.М. Теккерей и Ч. Диккенса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. Г. Петрова. – Саратов, 2010. – 18 с.

Поступила 01.04.2019

**SOME WAYS OF AUTHORIAL MASK DEVELOPING IN THE NOVEL
BY W.M. THACKERAY «THE HISTORY OF PENDENNIS: HIS FORTUNES
AND MISFORTUNES, HIS FRIENDS AND HIS GREATEST ENEMY»**

N. SHYSHKOVA

The article discusses some ways of authorial mask developing in the second big novel by W.M. Thackeray «The History of Pendennis: His Fortunes and Misfortunes, His Friends, and His Greatest Enemy». Such authorial mask markers as turns and digressions, references to the process of writing and to the writer, references to the problems of narrative story-telling, irony, the idiosyncrasies of narrative choice and unfulfilled narrative intentions, claims of correspondent truth, situation when the tale is narrated as fiction but there are some moments when we see that all the events described are real are studied. The reasons, by which W.M. Thackeray changes the style and manner of narration in comparison with his previous works, are analyzed. Some techniques of psychological representation are mentioned.

Keywords: *authorial mask, narrator, author, markers, irony, psychological representation.*